

ОТКРОВЕННОСТЬ ДЕРЕВЬЕВ

Инга
Кузнецова

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Инга Кузнецова

Откровенность деревьев

НП «Центр современной литературы»

Кузнецова И.

Откровенность деревьев / И. Кузнецова — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-178-2

Четвёртая книга известного поэта-метафизика — попытка преодолеть границы между буквальным и «большим» временем, природой и культурой, оптикой и судьбой, деревом и человеком. Автор стремится к промежуточному, чудесному, невозможному. И, даже если мы полагаем, что такие безумные попытки заведомо обречены, книга «цепляет», задевает нас. Убеждает её звук, галлюциногенная яркость образов, необычные ракурсы, превращения существ и предметов. Тонкость её строя. И ещё что-то неуловимое, чему нет названия.

ISBN 978-5-91627-178-2

© Кузнецова И.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

«мне нужно снова вспомнить все слова...»	7
Промежутки и просветы	8
«пока тесьмой морозной не стянуло...»	8
«огромная белка забытый тотем наших мест...»	9
«провинциальный...»	10
«парное молоко весны...»	11
Дрозд видит всё	12
«вперед смотрящие дрозды...»	12
«как раненого на плечах...»	13
«теперь...»	14
«Мы нашли четыре непарных...»	15
«ребёнок на велосипеде назад в младенчество летит...»	16
Тело инкогнита терра	17
«беспомощность шероховата...»	17
«удостовериться проверить...»	18
«тело балласт без...»	19
«чемоданное так давно...»	20
«просить пощады у тебя...»	21
«я по ту сторону рассудка...»	22
«трещина лобового...»	23
«безвыходность...»	24
«Ты заложник в пустом автобусе, хлопающем открытыми...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кузнецова Инга Откровенность деревьев

Инга Кузнецова родилась 20 июня 1974 года в посёлке Черноморском Краснодарского края, выросла в академгородке Протвино (Московская область), живёт в Москве и Протвино.

Закончила факультет журналистики МГУ, в аспирантуре изучала философию. Работала редактором в московских журналах и издательствах, литературным обозревателем «Радио России»; публиковалась как поэт, литературный критик, эссеист в журналах «Арион», «Волга», «Дружба народов», «Знамя», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Новая юность», «Новый мир». Автор поэтических книг: «Сны-синицы» (2002), «Внутреннее зрение» (2010) и «Воздухоплавание» (2012).

Лауреат студенческого поэтического конкурса имени А.С. Пушкина (1994), малой премии «Триумф» (2003) и профессиональной премии поэтов «Московский счёт» в номинации «Лучший дебют» за первый сборник стихотворений. Лауреат Международного Волошинского фестиваля (2012).

В 2010 году Инга представляла Россию на X Международном ПЭН-фестивале в Нью-Йорке; участвовала как поэт и переводчик в совместном русско-американском проекте Bookwings в 2012 году. Стихи переведены на английский, французский, польский, китайский, грузинский языки; неоднократно звучали в исполнении молодых актёров Театра-студии МХАТ.

Пишет прозу. Ведёт студию литературного развития для подростков.

Публикации в литературных журналах: <http://magazines.russ.ru/authors/k/ikuznetsova/>

«МНЕ НУЖНО СНОВА ВСПОМНИТЬ ВСЕ СЛОВА...»

мне нужно снова вспомнить все слова
пока выходит стрелочник из будки
пока выходит парусник из бухты
пока из почек прорастают буквы

и мчится солнце с головою льва
немой выходит стрелочник и поезд
обнимет холм точно скользящий пояс
усталый бог не продолжает повесть

мне нужно вспомнить и не расплескать
носить как воду всё на коромысле
пока программа убыли подвисла
пока летают бабочки и смыслы

как память крика звучна и резка
но трудно прошептать во тьме рисуя
всерьёз объёмно дом и дым росу и
пух тополя заката полосу

слова растут в космическом лесу
пока задумчив стрелочник молчащий
мерцает парус звери любят в чаще
пока никто не отпивал от чаши

безыменье подобно колесу
мелькают в спицах лошадь и солома
выходит смерть как девочка из дома
пока ничто не ясно не знакомо
поэты держат вещи на весу

Промежутки и просветы

«пока тесьмой морозной не стянуло...»

пока тесьмой морозной не стянуло
окно
скажи мне космос медленно и спало
когда
я вижу глаз твой сонный и усталый
вблизи
гигантской рыбой на крючке из стали
висишь
наш бедный мир чешуйка влажной рыбы
пока блеснул
его понять успели бы смогли бы
но гаснет свет
о космос кто тебя на смерти леску
пошел ловить
автобус мой исчез за перелеском
а я стою
автобус мой с той полыньей стеклянной
продышанной насквозь
исчез во тьме нет жизнь не истекла но
теперь всерьёз

«огромная белка забытый тотем наших мест...»

огромная белка забытый тотем наших мест
увиделась мне между вспышками острого света
и боли межбровной неровно присохший асбест
стал ржаво-рябинного цвета

пока промежуткам событий не сыщем имён
скрипим древесиной звеним оркестровою медью
о небо когда бы не спутанность разных времён
всё было б сезонною смертью

люблю тебя небо о как я тобой дорожу
хочу быть всегда твоей поллой упругою дудкой
пока тебя вижу сквозь веки дышу и дрожу
мелодией нежной и жуткой

«провинциальный...»

провинциальный
внутри оркестровой сюиты
рынок
тебе ли не знать
что пространства слоисты
транспорта спорный знаток
этранжер-переросток
всякий день для тебя перекрёсток
рассыпается день
не спасёт стрекозиное зренье
лишь размножит паденье
дрожащего шара-мгновенья
неустойчивой красоты
от неё заряжается тело
что на хлеб перейти не успело
ничего не иметь
высыпать из карманов утраты
в золотую траву
что расставил июль тороватый
тот мурашечный мяч
те проросшие жилки асфальта
влажный воздух сиявший как смальта
никуда не спешить
все в сверкающем небе случилось
так давно
что теперь остается сдаваться на милость
промежуточных дней
пыльной логики испытаний
повестей у которых не будет
переизданий

«парное молоко весны...»

парное молоко весны
не лезет в горло лихорадка
закончилась и вновь ясны
ошибки высшего порядка

как допустима пустота
где были истина и благо
ты что-то здесь не рассчитал
платон платоныч бедолага

в лесу погрешностей в тепле
бессмысленно конечной жизни
с тобой кустарник многолетний
стойк в воздухе зависнем

Дрозд видит всё

«вперед смотрящие дрозды...»

вперед смотрящие дрозды
о мой любимый нелюдимый
подскажут нам как ждать беды
неотврати...необратимой

мы тоже будем делать вид
что расторопно деловито
охотимся а не навзрыд
лежим в траве и смерть открыта

дрозд видит всё он даровит
беда начнётся в воскресенье
кто уклониться норовит
тот будет мыслящим растеньем

стоять роняя семена
сгибаться ничего не зная
о том что всем предрешена
сезонная и земляная

«как раненого на плечах...»

как раненого на плечах
тебя и кровь как страх
в тебе вязка и тяжела
а сгустки как земля
земля и есть но видишь ты
что в ней живут кроты
и роют в толще мерзлоты
упрямые ходы
у всех дрожит безумье дня
безумье дня во рту
класть широту и долготу
не боясь на меня

«теперь...»

теперь
всё стало отчётливей и безнадежней
как будто минус четыре
линзы в очках
и вещи набухли в пустынной квартире
ожидая смены имён
как растенья семян
что за низки времён у тебя подсыхают на кухне
если этот порядок нарушится рухнет
если кончится инь
все равно будешь ян
как внимательно зренье твоё
как тверды основания
что же я сомневаюсь и плотное сразу на слух
проверяю
вот маленький джем-сейшн
встречное бережное касанье
беззащитная музыка двух

«Мы нашли четыре непарных...»

Мы нашли четыре непарных
крыла от бабочек, съеденных
птицами. Тих кустарник,
пишет себе обо всем в дневник.
Не тревожить его. Гляди,
как внимателен этот павлиний глаз,
что угадывал впереди
неизбежность, падающую в сейчас.
Осыпаясь красота
чёрным пачкает пальцы, а все ж она
мимо пропасти-пасти-рта.
В пищу-то не годна.

«ребёнок на велосипеде назад в младенчество летит...»

ребёнок на велосипеде назад в младенчество летит
рассудок медленно садится как солнце августа как взвесь
из одиночества и пыли как ускользящий петит
небесных птиц как лёгкий лист короткая сухая весть
какая странная привычка прощание опережать
все угасает эта мысль без подготовки нестерпима
прости гвоздика луговая и ежевика и ежа
прощай фиалка полевая и стойко выцветшая пижма
я тоже скудной природой залягу меж сухих травин
останусь впадиной лесов и жуковатым промежутком
еще все зелено еще в руке одна из половин
прозрачных яблочных и все так нежно шуточно и жутко

Тело инкогнита терра

«беспомощность шероховата...»

беспомощность шероховата
царапается то и дело
как будто скрипка пиццикато
в глазную форточку влетела
где раньше я там пыль и пустошь
дрожит одежды яркий пастиш
а кукла тело на прогулке
оно сместило переулки
а где же я где точка схода
всего того что было мною
лежу без имени штрих-кода
меж воздухом и перегноем

«удостовериться проверить...»

удостовериться проверить
ещё я есть
как будто комнату проветрить
карниза жечь
в пыли и кляксах голубиных
но о полётах пух
молчит так рыба о глубинах
не ляпнет вслух
как человек звенит соблазна
летучее перо
что смыслу жизнь несообразна
до ужаса старо
так что ж я глупый переросток
всё поворота жду
иду забыв как будет просто
споткнуться на ходу

«тело балласт без...»

тело балласт без
тебя и теряет вес
тело висит в пустоте и
снова без тени

тело белее асбеста
беглое из-под ареста
всюду оно неуместно
даже смешно

тоньше бумаги на сгибе
жаль что не робот не кибер
глупо похоже на рыбу
в домино

физика мягкого тела
что ты наука хотела
снова осталась без дела
в тупике

тело живёт неумело
тело смешного размера
тело инкогнита терра
вдалеке

«чемоданное так давно...»

чемоданное так давно
настроение в чемодане
жить другого тут не дано
а теперь и подавно
всё по стопкам в пакет потерь
вжать теперешнюю энтропию
ладно тело упрямый зверь
с выходом не торопи а

«просить пощады у тебя...»

просить пощады у тебя
пустое дело
так дышит хищник теребя
любимой жертвы тело
так шмель всей тяжестью цветок
заставил наклониться
так чертит на земле виток
тень птицы
так ты из обморока из
растерзанности ночи
малейший вытацишь каприз
и обесточишь
так ты всю можешь разобрать
и вновь спасти под утро
какая страшная игра
не камасутра

«я по ту сторону рассудка...»

я по ту сторону рассудка
пятном из-под воды
гляжу на всё легко и жутко
а ты так не гляди
а ты в квадратных скобках нормы
в известных рамках дня
тяжёлый и огнеупорный
беспомощней меня

«трещина лобового...»

трещина лобового
перечёркивает то что есть
зеркало заднего вида
прощается с тем что было
полдни слепые августа
ясность вот это тест
точно в комодке найденный парабеллум

среди белья
завёрнутый кое-как
в чью-то рубашку или нижнюю юбку
тот кто решился
помнит любой пустяк
необратимость любого поступка

«БЕЗВЫХОДНОСТЬ...»

безвыходность
злое солнце
смешная граница смерть
одна из простейших санкций
одна из бюджетных смет
нет ничего и не было
пустота нам ребёнок
и мать
даже птицы рождённые набело
на лету забывают летать
молчите пунктирные трубы
вас не видно
глупо звенеть
не выложишь на ю-т्यूбе
то что случилось во мне

«Ты заложник в пустом автобусе, хлопающем открытыми...»

Ты заложник в пустом автобусе, хлопающем открытыми
крышками выходов запасных, под соло огнетушителя,
прикрученного кое-как к сломанной стойке. Ритмы
предметов свободны, чего не скажешь о местных жителях.
То, что давно было Словом, в одно ухо влетает
наподобие ветра цветного, чтобы напрочь вылететь
из другого. Августа горечь яркая, золотая
ускользает. Салон просторен – здесь только пыль и ты.
Но и ты исчезаешь. Поиски туфель к платью
или наоборот, судорожные переодевания и маскировки –
весь этот театр не помог. Так с ручной кладью,
вровень с примотанным к багажнику «жигулей», новым, без
упаковки
велосипедом, нагретым до блеска, медленно путешествует
пустота. Как мало меня – три молекулы, полпромилле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.